

17 декабря. Анадырь

Наиль, привет из столицы Чукотки!

Ветер — первое, что обращает на себя внимание. После уютного и убаюкивающего Билибино мне здесь неспокойно. Второе, что привлекает, — местные красавицы. Еще в Москве меня предупреждали, что среди северного народа попадаются такие экземпляры, от которых можно потерять голову. Вроде бы даже приезжают за ними из парижей, лондонов и нью-йорков. Там привыкли уже ко всему, а северными нимфами еще способны восхищаться.

Я обратился к директрисе краеведческого музея с просьбой познакомить меня с коренными девушками и свою просьбу мотивировал интересом сугубо академическим: мол, хочу запечатлеть панораму жизни на Чукотке, а таковая будет неполной, если я не донесу до читателей образ чукотских красавиц. На мои невинные пожелания отозвались, и спустя два дня в музей пришли сразу шесть девушек. «Это для начала», — сказала директриса.

Идея присмотреться к северным красавицам пришла мне еще в Кеппере. Там разговор зашел о коренных девушках, и работники Дома культуры решили немедля продемонстрировать местных красавиц. Сейчас я сожалею, что не записал подробных сведений о них и даже имен не запомнил, знаю только, что одна девушка — чуванка, а вторая — чукчанка. У чуванки лицо почти европейское, светлое, глаза карие, взгляд кокетливый, даже соблазняющий. Такая запросто охмурит и уведет в тундру. У чукчанки больше первозданности и той самой дикости, которая опаснее всякого кокетства, потому что перед этим мы особенно слабы. Во взгляде ни йоты наигранности, она вся как на ладони.

Чуванка словно зазывает идти за собой на край света — было бы кого. Чукчанка, напротив, сама готова идти на этот самый край — было бы за кем...

Обе девушки прилежно учатся в кепервеемской школе, трудолюбивы, мастерицы и умеют вести хозяйство. Чуванка к тому же большая редкость. Такую девушку не часто встретишь даже на Чукотке. Чуванцев осталось тысячи полторы или даже меньше. Часть их кочевала, а часть оставалась оседлой. Последние были тесно связаны с казаками и даже приняли православие. Проживали они в основном в поселке Марково и в верховье Анадыри. Там есть река Чуванка. Отсюда, видимо, и название народности. Язык чуванцев утрачен, поэтому говорят они или по-русски, или на языке чукчей. В энциклопедическом словаре начала века чуванцам отведено всего две строки, из которых следует, что народ этот почти вымер. Но вот в Кепервееме, в глубине Чукотки, отыскалась чуваночка, и я даже смог её запечатлеть.

Еще я познакомился с эвеночкой из Билибино. Я был на вечере, где собрались чукчи и эвены. Уже собирался уходить, как увидел стройную, изящную и яркую девчушку. (Я, кажется, уже о ней писал!) Она была в кожаных джинсах и в такой же облегающей жилетке. Ее родственники, заметив, что она мне приглянулась, говорили, чтобы я забирал её с собой...

...И забрал бы, если бы не обстоятельства, тысячи больших и малых причин, мириады оков, сотканных из предрассудков, обязательств и забот, которыми мы окружены и наглухо скованы, и уже не принадлежим ни себе, ни делу своему, ни призванию. Кто из нас способен на решительный и дерзкий поступок, на отчаянный шаг или хотя бы на робкую попытку его совершить? Так, плывем, барахтаемся, кувыркаемся под неодобрительный, требовательный шум, под упреки и нудный треск со всех сторон.

А как бы славно приехать за тысячи километров, на ту же Чукотку, свободным, независимым, полным жизненной энергии и

надежд да поколесить по этой далекой стране, приглядеться к ее красотам, нетронутым, незамеченным, а значит, и не оцененным еще никем, и вот такую эвеночку, чуваночку, юкагирочку, эскимосочку, корякочку или чукчаночку присмотреть, увезти с собою, и пусть живет себе где-нибудь рядом, неподалеку, через квартал, чтобы всем было хорошо... А каково с такой эвеночкой, чуваночкой, чукчаночкой или эскимосочкой прокатиться по Франции! Открыть ей Париж, показать замки Луары, поля подсолнухов и грядки лаванды в Провансе или готические строения.

Уверен, и соборы бы наклонились своими шпилями, чтобы получше разглядеть прелесть, явившуюся под их сень...

Чего мы ищем в женщине?

Собственного самоутверждения!

Длинные красивые ноги? Конечно. Упругая грудь? Обязательно! Большие задумчивые серые глаза? А как же! Нос, уши, вообще лицо, полное благородства и наследственной чистоты? Да, все это — непременно! Волнистые волосы до плеч, скрывающие суть и призванные помочь нам обмануться? А как же! Также важно, чтобы она была не только красива, но и очаровательна. Вот, вот! Очарование дороже красоты, потому что эта добродетель более редкая. Обворожительность? (Теперь ее называют сексапильностью.) Да! Такая, чтобы, глядя на неё, никто не оставался равнодушным, чтобы она была предметом бессмысленных мечтаний и приглушенных разговоров — только положительных, только положительных! К тому же чтобы не давала поводов для треволнений... Вот как надо, вот чего хочется! И сверх

того, больше красоты и очарования, дороже и ценнее всего — её пластика. Чтобы шла она так, как никто, и чтобы движения ее были не только изящны, но обворожительны и неповторимы. В пластике — разгадка неповторимости... Вот! Неповторимость — главное достоинство женщины. И если эта неповторимая, ни на кого не похожая — твоя, если она рядом, то уже сама она

величайшее твое достоинство. Должно быть то, чего нет ни у кого!
Вот что необходимо нашему самоутверждению. Остальное
домыслим, допишем, домечтаем...

*Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображенья формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Даёт и обиталище и имя...*

(Шекспир)

Не того ли искал (и почти нашел) Александр Сергеевич в
Наталье Николаевне?

Это уже потом, потом, потом... хочется, чтобы у спутницы
твоей были ум, восприимчивость и понимание, чтобы оказалась
она при этом хорошей матерью, доверительной и заботливой
подругой. Если же она ко всему умеет готовить рассольник, то
цены ей нет... Между тем годы идут, идут, потом бегут, и уже из
всего прочего предпочитаешь в женщине незаметность и
ненавязчивость, и хорошо, если бы она была врачом...

А чего они ищут в нас? Что нужно им?

Вот этого никто не знает...

Пожалуй, вернемся в Анадырь.

Итак, сразу шесть девушек из анадырского педагогического
училища в назначенное время пришли в музей. Оказавшись среди
них, я сначала не знал, куда себя деть...

Первая девушка — Наташа. Ей семнадцать лет. Она из
древнего поселка Лорино, расположенного на берегу Берингова
моря. «Лорино» с чукотского переводится как «Найденное
становище». По словам Наташи, удачно выбранное место
оберегает поселок от непогоды, и, даже когда повсюду пурга, в
Лорине тишь да благодать. Ее папа — русский, из Хабаровска, а

мама — чукчанка. В поселке живут в основном охотники на китов, моржей, нерпу, и Наташа знает не понаслышке, что такое охота в море. Вместе с другими лоринскими детьми она не раз выходила на высокий берег наблюдать за тем, как отчаянные охотники борются с китом.

Вторая девушка, Олеся, — обладательница нежного имени, упоминание которого пробуждает чувства и влечет в непроходимые заросли и пущи. Но это только имя у нее белорусское. Мама у Олеси — чукчанка, а папа — армянин. Олесе шестнадцать лет, родом она из поселка Усть-Белая, в глубине Чукотки. Это, должно быть, невероятно живописное место, поскольку там к Анадыри присоединяются сразу несколько рек, самая большая из которых — Белая. Учится Олеся на преподавателя по труду. Но это не тот «труд», уроки которого я любил за то, что их можно было не посещать. Олеся будет обучать труду в тундре. Это значит, что ее профессия — едва ли не самая важная для будущей хозяйки: шитье, приготовление пищи, уход за детьми, врачевание. А трудолюбия девушке из Усть-Белой не занимать. Да и от папы дочери передались, помимо густых бровей и длинных ресниц, еще и южный темперамент, напористость и смекалка.

Третья девушка — Лариса. Она из поселка с красивым названием Сиреники. Ученые полагают, что название поселка, находящегося в Провиденском районе на восточном побережье Анадырского залива, восходит к эскимосскому слову «сиг'ыных» (рога оленя). Но, глядя на Ларису, хочется думать не о рогах, а о сирени, любимых весенних цветах. Мама у Ларисы — сиреникская эскимоска, а папа — украинец, которых в этих широтах, кажется, больше, чем в Бердичеве. Эта невероятная смесь делает Ларису неповторимой и непостижимой. Ей шестнадцать лет, она будет учителем математики.

И уж подавно никто не разберется в генеалогическом древе Ксении. Ей также шестнадцать, она будущий преподаватель английского. Мама Ксении — чукчанка, папа — русский, из

Хабаровска. Но это только «по паспорту». На самом деле в Ксении течет кровь американцев, французов и даже ингушей. Она проживает в Анадыре и является настоящей столичной девушкой. Поразили ее образованность, начитанность и восприимчивость. Скорее всего, Ксения продолжит учебу в Москве, а то и вовсе за границей.

Пятую девушку, Ирину, следует, не мешкая, хватать и помещать в этнографический музей. Да не в анадырский и даже не в московский, а в парижский или нью-йоркский, если они там есть. Надо создать все условия для того, чтобы посетители могли любоваться этой редкой красотой, целомудрием и нежностью. Вот такая же Ирочка побудила первооткрывателя северо-восточных окраин назвать живописный мыс — Акчори. Ирина — настоящая чукчанка, без примеси и дополнений. Её мама и папа — чукчи-оленоводы. Ирина из континентальной тундры, из Билибинского района, из бедного, труднодоступного поселка Островное, и можно только догадываться, как непросто было родителям устроить дочь учиться. Наверное, помощь в этом оказывают и администрация, и отдел образования, ведь надо платить и за общежитие, и за еду, и чтобы выглядела девочка достойно. Ирина обязательно выучится и, возможно, поступит затем в магаданский институт.

Наконец, еще одна девушка — Юлия. Она из Чукотского района, из далекого поселка Инчоун. Там неподалеку есть скала с отделившимся камнем, похожим на отрезанный кончик носа. Отсюда и название. Этот «кончик» расположен едва ли не на самом конце евразийского континента. Юлины родители — чукчанка и русский — произвели на свет девушку невероятного обаяния, милой и притягательной внешности. Возможно, оттого, что отец Юли из Ростова-на-Дону и, скорее всего, донской казак. А казаки знают толк в женской красоте. Можно только предположить, какая у Юли мама! Юле пятнадцать лет, она хочет стать учительницей русского языка и литературы.

Вот Юлю я бы увез не задумываясь. Под разными предложениями я уже стал к ней подбираться, но обнаружилось, что у нее в романтических героях какой-то Ди Каприо, о котором я, к своему стыду, до сих пор не слышал. Моё дремучее невежество, обнаруженное Юлей, стало причиной её полного ко мне равнодушия.

Девушки в основном заняты учебой. Свободного времени почти нет. Они понимают, что учеба — не просто времяпрепровождение и желательная строка в биографии. Это надежда родителей, родственников, друзей; возможность увидеть мир, больший, чем тот, что окружает поселок; это шанс познакомиться с новыми людьми, обрести друзей и, быть может, встретить любимого. Девушки знают, что родители пожертвовали ради них многим, быть может, всеми сбережениями. Кроме Ксении, все живут в общежитии. По субботам ходят на дискотеку, а в обычные дни их отдых сводится к телевизору и чтению. Часто получают письма от родных и пишут сами. Их стипендия — двести рублей. Бывает, задерживают. Родители по возможности помогают. Кормят студентов три раза в день в ресторане «Анадырь». Причем студентов из числа коренных национальностей — бесплатно!

Я заговорил о любви. Девушки захихикали, переглянулись и сказали, что ни у кого ничего ни с кем нет. Затем Лариса сообщила, что претендентов много, но нет достойных. И только Ирочка из Островного призналась, что у нее есть Слава. Он русский, ему семнадцать лет, он учится в училище. Было что-то и у Юли, во время отдыха на Кавказе, где она ненадолго отодвинула Ди Каприо. Но с окончанием каникул и отъездом на Чукотку престиж кинозвезды был восстановлен. Был претендент и у Ксении, но она девушка образованная, и молодой человек был отвергнут за несоответствие идеалам. Когда я спросил, какое качество девушки ценят в мужчине больше всего, они тотчас ответили: ум. И лишь Юля отдала дань еще и красоте.

Пристрастий национальных у них нет, и тема эта девушек не волнует. Важнее, чтобы были у будущего мужа деньги. Чтобы можно было поехать и посмотреть мир. Я спросил, сколько бы они хотели, чтобы получал муж. Ирочке из Островного достаточно, чтобы он получал две с половиной тысячи рублей в месяц. Лоринскую Наташу устроил бы супруг с жалованием в три тысячи, а Ларисе из Сиреников было бы достаточно, если бы муж зарабатывал двести долларов. Олеся из Усть-Белой о деньгах говорить не желает. Она хочет, чтобы муж был актером, причем не зарубежным, а российским. И только инчоунской Юле, грезящей о Ди Каприо, денег нужно много! «Чтобы на все хватало, — мечтает она не стесняясь, — тысяч тридцать!» «Юля у нас крутая», — подшучивают подружки.

А для Ксении главное, чтобы муж имел вес в обществе и был хотя бы... министром. Причем не культуры или здравоохранения, а обороны, финансов или иностранных дел на крайний случай. Но даже и в этом случае она от него зависеть не желает и деньги зарабатывать надеется сама.

Вот их желания и мечты, в которых девушки невольно себя ограничивают, и едва ли в этом они чем-то отличны от десятков тысяч таких же, как сами.

Вот какие у меня здесь дела.

Новый год совсем скоро. По-видимому, я его встречу в Анадыре и, скорее всего, в одиночестве.

РЕДКАЯ КНИГА

Оказывается, у эскимосов существовал такой способ женитьбы, как похищение невесты. Традиционной формой запугивания избранницы была угроза... откусить кончик носа, чтобы другие не заглядывались. Такие любопытные

сведения можно узнать из книги «И было так...
Очерки традиционной культуры азиатских
эскимосов». Ее автор — научный сотрудник
СВКНИИ, кандидат
наук Т.Тасян...

*Наш корр. «Советская Чукотка»,
22 июня, 1993 г.*

ЛЮБОВНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ (Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи».)

*«Если я хочу иметь эту женщину, я вынимаю ее сердце и
печень. Тогда я иду к "направлению" Вечера и подвешиваю ее
органы с обеих сторон Вечера. Я говорю: "Здесь висят сердце и
печень этой женщины. Пусть они запутаются в сети для
тюленей. Пусть она будет без внутренностей. Пусть она
тоскует и сохнет от желания ко мне. Этот человек — не муж
ее. Это — труп тюленя, выброшенный на берег. Ветры дуют на
него, и все кости его уже обнажены. И ты — не женщина. Ты —
молодая важенка. Запах падали доходит до тебя, и ты убегаешь
и приходишь ко мне».*

Сообщил Кеульн из поселка Сесин. 1900 г.

А.С.Пушкин

КАЛМЫЧКЕ

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.*

*Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?*